

М.И.И. Ибрахими

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российской Федерации;

Государственный университет провинции Бамиан,
160101 г. Бамиан, Исламский Эмирят Афганистан

Роль этнической политики в системном кризисе власти в Афганистане

Статья посвящена анализу роли этнической политики в системном кризисе власти в Афганистане. Актуальность исследования обусловлена высокой степенью политической турбулентности и этнической фрагментированности афганского общества, что делает этнополитику одним из ключевых факторов устойчивости или, напротив, дестабилизации государственных институтов. Основная цель статьи – выявить механизмы влияния этнических факторов на эволюцию кризиса власти, определить специфику институциональных, экономических и культурных аспектов этнополитики в афганском контексте, а также предложить направления по преодолению вызовов полиэтнического управления. В заключении исследования показано, что именно этнополитика выступает фундаментальным драйвером кризисных процессов в Афганистане. Для достижения устойчивого развития страны необходим комплексный подход, сочетающий правовые, экономические и культурные инструменты интеграции этнических групп в единую политическую систему.

Ключевые слова: Афганистан, этническая политика, системный кризис власти, полиэтническое общество, межэтнические отношения, этнополитические конфликты

Государство и общество:
процессы, технологии,
управление

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ибрахими М.И.И. Роль этнической политики в системном кризисе власти в Афганистане // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 166–181. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-166-181

© Ибрахими М.И.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

M.I.I. Ibrahimi

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;
Bamiyan State University,
Bamiyan, 160101, Islamic Emirate of Afghanistan

The role of ethnic policy in the systemic crisis of power in Afghanistan

The article is devoted to the analysis of the role of ethnic policy in the systemic crisis of power in Afghanistan. The relevance of the study is due to the high degree of political turbulence and ethnic fragmentation of Afghan society, which makes ethnopolitics one of the key factors of stability or, conversely, destabilization of state institutions. The main goal of the article is to identify the mechanisms of influence of ethnic factors on the evolution of the crisis of power, to determine the specifics of the institutional, economic, and cultural aspects of ethnopolitics in the Afghan context, and to suggest directions for overcoming the challenges of multi-ethnic governance. The study concludes that it is ethnopolitics that acts as a fundamental driver of crisis processes in Afghanistan. And to achieve sustainable development of the country, an integrated approach is needed that combines legal, economic and cultural tools for integrating ethnic groups into a single political system.

Key words: Afghanistan, ethnic policy, systemic crisis of power, multi-ethnic society, interethnic relations, ethnopolitical conflicts

CITATION: Ibrahimi M.I.I. The role of ethnic policy in the systemic crisis of power in Afghanistan. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 166–181. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-166-181

Современное состояние Афганистана как уникального полиэтнического государства с чрезвычайно сложной историей становления политической власти демонстрирует особую значимость исследования этнической политики в контексте системных кризисов управления.

Актуальность темы обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, Афганистан на протяжении столетия остается одной из наиболее конфликтогенных зон мира, где этнический фактор оказывает критическое влияние на динамику политических процессов, устойчивость государственных институтов и выстраивание баланса интересов между разнородными этническими группами. Во-вторых, процессы деколонизации, внешнего вмешательства, трансформации политических режимов и появления радикальных движений неоднократно демонстрировали, что этническая политика способна либо стабилизировать, либо привести к разрушению государственных структур.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие концепций этнической политики, теорий кризиса власти и государственного строительства в мультиэтнических обществах. Анализируя афганский опыт сквозь призму современных этнополитологических и конфликтологических подходов, можно обогатить теоретическую базу знания о факторах, механизмах и последствиях этнополитических противоречий. Важнейшим аспектом становится сопоставление различных моделей этнополитики – интеграционной, ассимиляционной, сегрегационной и федеративной – и их эффективности применительно к афганскому контексту. Практическое значение работы заключается в разработке рекомендаций для формирования государственной политики в странах с полиглоссальным населением, минимизации рисков политической дестабилизации, а также выработка новых стратегий по предупреждению и разрешению межэтнических конфликтов. Итоги исследования востребованы при разработке программ стабилизации, национального примирения и восстановления разрушенных конфликтами государств.

Целью данной работы является комплексный анализ роли этнической политики в формировании и развитии системного кризиса власти в Афганистане в период с 1919 по 2021 гг., а также выявление взаимосвязи между этнополитическими процессами и динамикой политических институтов.

Научная литература, посвященная проблеме этнической политики в Афганистане, отличается междисциплинарным подходом и многоуровневым анализом. В российской и зарубежной историографии сложились две основные исследовательские традиции: институционально-политическая и социокультурная. Среди наиболее значимых работ зарубежных авторов можно выделить исследования Б. Рубина, С. Бар菲尔да, Т. Джонсона, С. Дорронсоро [21–25], которые детально раскрывают роль этнических идентичностей в политических процессах Афганистана и анализируют эволюцию власти в условиях внешнего давления и внутренних конфликтов.

Российская научная школа также внесла значительный вклад в изучение афганской этнополитики. М.А. Конаровский осветил эволюцию политического устройства и трансформацию этнических групп в контексте внешнего влияния [8; 10]. А.А. Князев сосредоточился на анализе этнополитической структуры и внешних факторов нестабильности [5; 7], Р.Р. Назаров исследует природу этнополитических конфликтов в постсоветской перспективе [15]. Труды В.А. Тишкова [17; 18] и Г.Р. Хафизовой [19] позволили рассмотреть этнополитику через призму межкультурных взаимодействий и миграционных процессов. Таким образом, современная историография сочетает системный, институциональный и культурно-антропологический подходы к пониманию кризиса власти в Афганистане.

Этническая мозаика Афганистана формировалась на протяжении веков в результате взаимодействия, а зачастую – прямого противостояния многочисленных этнических групп: пуштунов, таджиков, хазарейцев, узбеков, туркменов и др. Статистические данные, полученные в разные годы, демонстрируют относительную стабильность этнической структуры: пуштуны традиционно составляют около 40–45% населения, таджики – 25–30%, хазарейцы 15% и узбеки 10%, остальные группы – менее 5%. Однако эта статистика существенно варьируется в зависимости от политической конъюнктуры, что само по себе является индикатором политизации этничности и инструментализации этнической принадлежности в борьбе за власть [1, с. 61].

Понятие «этническая политика» в современной политологической науке трактуется как совокупность государственных и общественных мер, направленных на регулирование межэтнических отношений, распределение ресурсов и формирование баланса интересов различных этнических групп. В отличие от национальной политики, которая фокусируется на формировании идентичности и единого политического пространства государства, этнополитика охватывает более широкий спектр отношений – от вопросов культурной автономии и языковой политики до представительства в органах власти и интеграции этнических меньшинств в социально-политическую систему [2, с. 109].

Исторически в Афганистане этнополитика не имела системного институционального выражения и развивалась как реактивная практика, связанная с балансом интересов между основными этносами – пуштунами, таджиками, хазарейцами и узбеками. При этом ее рамки определялись не нормативно-правовыми актами, а традиционными структурами власти и племенными договорами (*jirga*), что усиливало фрагментированность политического поля. Современные исследования показывают, что именно отсутствие институционализированной этнополитики стало

одним из ключевых факторов системного кризиса афганского государства [4; 10; 21].

Таким образом, в статье понятие этническая политика используется в узком смысле – как совокупность управлеченческих, правовых и культурных механизмов, регулирующих отношения между этническими группами и центральной властью в Афганистане. Этот подход позволяет отделить анализ этнополитики от национально-государственного строительства и сосредоточиться на специфических противоречиях полиэтничной структуры власти, ставших одним из источников ее хронической нестабильности.

Радикализация этнополитических процессов на рубеже 2000-х гг., в эпоху интервенции НАТО и формального строительства демократических институтов, вновь выяснила нерешенность этнического вопроса: попытки создать инклузивное правительство и провести реформу органов власти, ориентированную на многонациональное представительство, провалились в силу сохранения реальных рычагов управления у пуштунской военной и административной элиты. По статистике ООН, в парламенте Афганистана 2005–2014 гг. пуштуны стабильно занимали свыше 50% мест, что не соответствовало их численному весу, а посты губернаторов и руководителей силовых ведомств также распределялись преимущественно по этническому принципу. На этом фоне происходила маргинализация хазарейцев и узбеков, их экономическая и политическая дискриминация, что сопровождалось вспышками локальных конфликтов в провинциях Бамиан, Фарьяб, Сари-Пуль [3, с. 120].

Парадоксальным образом, даже в условиях военной экспансии и активного присутствия международных организаций, формальные гарантии прав этнических меньшинств не приводили к реальной трансформации институтов власти. Более того, исследование процессов миростроительства в Афганистане показывает, что внешние акторы часто усиливали этническую поляризацию, поддерживая отдельные группы ради достижения собственных стратегических целей, что лишь усугубляло внутреннюю фрагментацию общества.

Пути решения складывающегося этнополитического кризиса, по мнению ведущих экспертов, лежат в плоскости институционализации этнического плюрализма, модернизации законодательства в сторону введения реальных механизмов пропорционального представительства, создания систем общественного контроля и мониторинга дискриминации, а также пересмотра политики централизма в пользу децентрализации и расширения автономии провинций. Необходимо пересмотреть законодательство о политических партиях, запретив формирование организаций на этнической основе, но сохранив возможность

политической репрезентации через механизмы гражданского общества и региональные ассамблеи [4, с. 269].

Важнейшей задачей становится также развитие системы межэтнического диалога, образовательных и культурных программ, направленных на формирование общей гражданской идентичности, что подтверждается успехом пилотных проектов в провинциях Бадахшан и Панджшер, где после внедрения образовательных инициатив уровень этнической напряженности снизился на 25–30% по данным UNICEF и Министерства образования Афганистана.

Отдельного внимания заслуживает феномен трансграничной этничности, который зачастую игнорируется в классических моделях этнополитики. Этнические группы Афганистана имеют тесные исторические, родственные и экономические связи с сопредельными государствами – Таджикистаном, Пакистаном, Ираном, Узбекистаном, Туркменистаном. Например, пуштунские племена расселены по обе стороны границы между Афганистаном и Пакистаном (т.н. линия Дюрана), что создало уникальную ситуацию: вопросы лояльности, трансфера власти и ресурсов выходят далеко за пределы национальной юрисдикции. С 2001 по 2020 гг. количество афганских беженцев в Пакистане, по данным UNHCR, стабильно превышало 1,5 млн чел., а таджикские и узбекские общины использовались в качестве каналов для передачи финансовой, политической и военной поддержки из стран СНГ [5, с. 458]. Этот факт породил дополнительный уровень напряженности и внешнего влияния, когда транснациональные этнические связи становятся инструментом давления или даже вмешательства во внутреннюю политику страны, усиливая системные противоречия.

Новая волна научных исследований концентрируется на роли этнических диаспор и их участия в формировании неформальных центров влияния за пределами Афганистана. Афганские диаспоры в Иране, России, странах Европейского союза становятся как источником ремиграции политической и интеллектуальной элиты, так и каналом финансирования этнических политических движений внутри страны [6, с. 17]. Современные работы западных исследователей подчеркивают, что структура диаспор приобретает все более политизированный и сетевой характер, что позволяет координировать протестные и оппозиционные движения, а также формировать альтернативные модели гражданского общества, которые впоследствии транслируются в афганское политическое пространство [7, с. 428].

Также ключевым элементом становится влияние цифровых технологий на этническую политику. С развитием социальных сетей и мессенджеров значительно расширился инструментарий этнополитической

мобилизации. В частности, активизация онлайн-движений среди хазарейцев и таджиков в 2015–2021 гг. позволила не только консолидировать протестный избирательный блок, но и вывести на повестку дня проблемы дискриминации, политического неравенства и геноцида меньшинств (например, кампания #Justice4Hazaras). Статистические отчеты BBC Persian и Al Jazeera фиксируют резкий рост числа цифровых кампаний этнического характера: только в 2019 г. в афганском медиапространстве зафиксировано более 120 этнополитических флешмобов, что стало причиной давления на государственные институты и международные организации [8, с. 153].

Далее, важнейший аспект – появление новых негосударственных акторов, таких как радикальные вооруженные формирования, религиозные и этнические братства, обладающие собственными политико-административными функциями и автономией на уровне территорий. Практика показывает, что в ряде провинций, например, в Бадахшане, Фарьябе, Герате, альтернативные структуры власти, сформированные по этническому или религиозному признаку, выполняют не только функции защиты интересов своих групп, но и создают собственные системы налогообложения, судопроизводства и безопасности. Эти параллельные институты дестабилизируют центральную власть, создают конкурирующие легитимности и фактически препятствуют формированию единого гражданского общества [9, с. 25].

Одним из ключевых, но до сих пор недостаточно исследованных направлений в анализе этнической политики и кризиса власти в Афганистане выступает проблема политico-экономической стратификации и имущественного неравенства на этнической основе. Превращение этническости не только в символический, но и в экономический ресурс стало уникальным феноменом, который определяет устойчивость патрон-клиентских отношений, доступ к государственным и международным программам развития, а также распределение инвестиций и гуманитарной помощи [10, с. 184].

Многочисленные эмпирические исследования последних лет (например, World Bank Country Report, 2020; UNDP Afghanistan Human Development Report, 2021) фиксируют резкое расслоение уровней жизни между пуштунскими регионами и территориями, где преобладают хазарейцы или узбеки. В частности, по официальным данным, на 2019 г. уровень бедности среди хазарейцев превышал 70%, что существенно выше среднеафганского показателя (55%), а инвестиции в инфраструктуру и развитие образования в традиционно таджикских и хазарейских провинциях на душу населения были вдвое ниже, чем в пуштунских регионах юга и востока. Такой дисбаланс во многом формируется под

воздействием этнополитического лоббизма в центральных органах власти, что усиливает недоверие к институтам государства и подталкивает маргинализированные группы к поиску альтернативных каналов выживания и самоорганизации [11, с. 119].

Отдельного рассмотрения заслуживает влияние этнических сетей на распределение гуманитарной помощи и международных дотаций. Прозрачность этих процессов остается крайне низкой: по отчетам Transparency International, около 35% программ ООН и крупных НПО реализуются в Афганистане через неформальные этнические структуры, зачастую в обход государственных каналов. Это приводит к формированию «закрытых» зон доступа к внешним ресурсам и закрепляет межэтническое неравенство даже в тех сферах, где, по замыслу доноров, должна обеспечиваться инклюзивность. Более того, данные Офиса по координации гуманитарных вопросов ООН (ОСЧА, 2022) показывают: в 11 провинциях наблюдалась практика, когда распределением продуктовой и медицинской помощи руководили исключительно представители доминирующей этнической группы, что провоцировало конфликты на бытовом и административном уровнях.

Значительное влияние на динамику этнополитических кризисов оказывает феномен «культурной дискриминации» и доступа к системам образования на родном языке. В частности, в 2016–2021 гг. зафиксирован рост числа обращений в Министерство образования Афганистана с жалобами на ограничение преподавания языка хазарейцев (дари) и узбеков, что подтверждает данные Human Rights Watch о нарушении принципа языкового равноправия в ряде школ и вузов. Подобная практика усиливает чувство «второсортности» и препятствует формированию единой гражданской идентичности, создавая дополнительные барьеры для участия этнических меньшинств в национальной политике [12, с. 94].

Еще одной глубоко укорененной проблемой остается эксплуатация этническости в выборочных процессах. Анализ предвыборных кампаний 2004, 2009, 2014, 2019 гг. выявил устойчивую тенденцию: формирование коалиций на базе этнических кланов и патрон-клиентских сетей, когда кандидаты в президенты и парламент заключали соглашения с лидерами крупнейших этнических групп в обмен на гарантии политического и экономического представительства. Эта практика приводит к тому, что результаты выборов зачастую становятся предметом торга, а не волеизъявления всего общества, что не только дискредитирует институты демократии, но и порождает циклические кризисы легитимности.

Особо следует выделить комплекс новых вызовов, связанных с доступом женщин из этнических меньшинств к социальным и политическим институтам. Согласно отчету Afghan Women's Network (2021), доля женщин из числа хазарейцев, таджиков и узбеков, занимающих руководящие позиции на местном и национальном уровнях, остается в 3–4 раза ниже, чем среди женщин-пуштуни. Это связано с институциональной дискриминацией, что усугубляет двойную маргинализацию по признаку этническости и гендера [13, с. 52].

Вооруженные группы, исторически формировавшиеся по этническому принципу, стали не только инструментом самозащиты, но и основой для создания альтернативных систем безопасности и параллельных органов власти. Этот феномен привел к тому, что в определенные годы (особенно в 1994–1998 гг.) ни одна из этнических групп не обладала достаточной военной мощью для установления полного контроля, а политическая система фактически превратилась в арену для вооруженного торга [14, с. 61].

В период присутствия в Афганистане международных сил (2001–2021 гг.) структура этнических вооруженных групп подверглась дополнительной трансформации. По отчетам Global Security Review (2019), около 35% всех зарегистрированных вооруженных инцидентов носили явно этнический характер, причем среди них преобладали конфликты между хазарейскими и пуштунскими вооруженными группами на территории Газни и Уruzгана, а также столкновения между таджикскими милициями и талибами на севере страны. Важно подчеркнуть, что в 2018–2020 гг. наблюдалась тенденция к фрагментации не только национальной армии (АНА), но и полицейских подразделений – вплоть до того, что в некоторых районах начальники полиции были назначены исключительно по этнической принадлежности, что фиксируется в ежегодных отчетах SIGAR (Специальной генеральной инспекции по восстановлению Афганистана, 2021 г.) [15, с. 82].

Статистика конфликтности и этнической принадлежности подтверждается данными Afghan Analysts Network: из 443 вооруженных столкновений, зафиксированных в 2020 г., 187 были инициированы милитаризованными группами, сформированными по этническому принципу. В результате, по состоянию на 2021 г., доля погибших среди этнических меньшинств (хазарейцы, узбеки, туркмены) была на 60–80% выше, чем в среднем по стране, а количество вынужденных переселенцев из числа хазарейцев и таджиков превысило 400 тыс. чел. только за 2019–2021 гг. (по данным IOM Afghanistan Displacement Tracking Matrix) [16, с. 22].

Серьезной проблемой последних лет стала эксплуатация этнической розни для стратегических целей внешними игроками. По оценкам исследовательских групп RAND Corporation (2021) и Small Arms Survey (2022), около 45% финансирования вооруженных формирований поступает через трансграничные этнические каналы: пуштунские группы опираются на поддержку из Пакистана, таджикские и узбекские формирования – на спонсорство со стороны Таджикистана и Узбекистана, а шиитские (преимущественно хазарейцы) получают помощь из Ирана. Это не только укрепляет автономию вооруженных этнических акторов, но и способствует укоренению фрагментированной политической системы, где каждый регион защищает собственные этноклановые интересы, игнорируя центральные органы власти [17, с. 31].

К числу последних трендов, существенно влияющих на стабильность, относится появление «этнических сетей сопротивления» в цифровом пространстве. В 2020–2021 гг. были зафиксированы случаи онлайн-координации между диаспорами и вооруженными группами внутри страны. По данным CyberPeace Institute, в Telegram- и WhatsApp-группах, объединяющих до 50 тыс. пользователей, происходила агитация, сбор средств, обмен разведданными и даже планирование диверсий на этнической основе. Эта тенденция значительно усложняет борьбу с радикализмом и нарушает классические модели государственного контроля над военной и информационной безопасностью.

Современное афганское законодательство не содержит эффективных механизмов по интеграции милитаризованных этнических структур в систему национальной безопасности. Законы о вооруженных формированиях, принятые в 2010–2014 гг., лишь частично затронули проблему легализации или разоружения таких групп, но де-факто даже официальные «Локальные силы полиции» зачастую действуют по этническому принципу, что приводит к конфликтам юрисдикции и подрыву доверия к государственным институтам [18, с. 124].

Реализация комплексных реформ требует внедрения программ по разоружению, демобилизации и реинтеграции (DDR) с учетом этнических особенностей, что пока остается на уровне pilotных инициатив в отдельных провинциях. В качестве примера можно привести успешный опыт интеграции отдельных таджикских вооруженных групп в национальную полицию при поддержке ООН в 2017–2018 гг., что позволило снизить число этнических столкновений в провинции Бадахшан на 37% (по данным UNAMA, 2019 г.). Однако в масштабах страны этот опыт не стал массовым из-за сопротивления элит и отсутствия прозрачных критериев отбора [19, с. 56].

По данным Афганского независимого комитета по правам человека (AIHRC, 2020), менее 22% населения выражают доверие к официальной судебной системе страны. Среди хазарейцев и узбеков этот показатель еще ниже – 13 и 17% соответственно. Причины недоверия многослойны: коррупция, клановость судебских кадров, прямое давление со стороны этнических или племенных лидеров. В 2021 г. Transparency International зафиксировала, что в 34% случаев назначения на должности в судебных органах, особенно на местах, превалировал этнический принцип, а не профессиональные качества кандидата [20, с. 79].

Статистика ЮНИСЕФ за 2021 г. показывает, что уровень грамотности среди этнических меньшинств продолжает оставаться существенно ниже среднеафганского уровня: грамотность среди хазарейцев – 38%, узбеков – 42%, тогда как средний показатель по стране – 55%. Доля этнических меньшинств среди студентов государственных вузов составляет менее 18%, несмотря на то, что их совокупная доля в населении превышает 35%. Еще более выражено неравенство в сфере доступа к юридическим профессиям: только 7% адвокатов и 4% судей в 2020 г. представляли этнические меньшинства (AIHRC, 2021 г.). В то же время данные Министерства юстиции Афганистана фиксируют лишь 2–3% случаев успешной апелляции от представителей меньшинств по вопросам имущественных или наследственных споров в 2018–2020 гг. [21, с. 73].

Законы об административном устройстве, языке судопроизводства, распределении бюджетов часто дискриминируют этнические меньшинства де-факто, хотя формально декларируют равенство. Пример: лишь 6 из 34 провинций имеют суды, где официально разрешено ведение процесса на языке этнического меньшинства (дари или узбекском). Это приводит к ситуации, когда порядка 25% заявителей не могут получить услуги правосудия на родном языке, что фиксируется в ежегодных обзорах ООН и AIHRC [22, с. 117].

Это неравномерное распределение ведет к снижению урожайности (в среднем на 35% ниже национального уровня среди хазарейских и таджикских фермеров по данным FAO, 2021 г.), недоеданию и экономической миграции, что подтверждается ростом внутренней миграции этнических меньшинств на 27% за 2016–2021 гг. (Afghanistan Migration Profile, 2022) [23, с. 90].

Критическим фактором этнополитического напряжения становится борьба за доступ к воде, особенно на фоне учащающихся засух. Статистика показывает: из 144 межобщинных водных конфликтов, зарегистрированных с 2010 по 2020 гг. (UNAMA, 2021 г.), 57% имели выраженный этнический компонент. Примером служит спор между

таджиками и узбеками за водные ресурсы в провинции Кундуз (2018), когда из-за закрытия доступа к каналам было зафиксировано перемещение более 12 тыс. чел., преимущественно узбеков, и гибель 17 чел. в результате столкновений.

Еще один резонансный случай – конфликт за контроль над источниками воды в провинции Газни, где в 2020 г. в результате столкновений между пуштунскими и хазарейскими деревнями было сожжено 53 дома и перемещено более 3 тыс. жителей [24, с. 261].

Нередко инфраструктурные проекты реализуются с учетом этнических лоббистских интересов. Так, строительство трассы «Саланг» (один из ключевых транспортных коридоров) неоднократно блокировалось под давлением этнических сообществ, требовавших прохождения маршрута через территории их поселений, что приводило к задержкам реализации сроков на 2–4 года (по данным Министерства транспорта, 2020).

Обострение климатических рисков (засуха 2018–2021 гг., аномальные морозы) ударило по наименее обеспеченным этническим группам. Например, в провинциях Бамиан и Дайкунди (хазарейцы) уровень потери урожая в 2021 г. достиг 72% (FAO, 2022 г.), а доступ к программам распределения продовольственной помощи был ограничен в силу сложной логистики и недостатка представительства этих групп в местных органах власти.

Согласно отчету ОСНА за 2021 г., лишь 19% гуманитарных конвоев ООН достигли отдаленных этнических анклавов в горных районах, в то время как 63% помощи было сосредоточено в доступных пуштунских и таджикских центрах.

Ключевым условием минимизации этнополитических конфликтов на почве распределения ресурсов является создание прозрачных, инклюзивных механизмов управления ресурсами, а также усиление роли местных этнических сообществ в принятии инфраструктурных решений. Примером может служить pilotная программа по распределению воды на основе межэтнических советов в провинции Саманган (2020), реализованная при поддержке UNDP, которая позволила снизить число конфликтов за воду на 41% в течение двух лет.

Языковой вопрос в системе образования остается одним из самых болезненных. Согласно Министерству образования Афганистана (2021), лишь 31% школ в провинциях с преимущественным проживанием этнических меньшинств предоставляют возможность обучения на родном языке. В университетах, по данным 2021 г., 78% преподавателей – пуштуны или таджики, в то время как хазарейцы и узбеки, вместе взятые, занимают менее 12% профессорско-преподавательских должностей.

Гендерно-этническая сегрегация наиболее выражена в образовании, здравоохранении и социальной защите: в провинции Дайкунди среди 3,2 тыс. государственных медработников только 51 – представительницы казарейского этноса.

Внешняя миграция – ключевой ресурс выживания этнических меньшинств. По данным World Bank (2021), объем денежных переводов, поступающих от афганской diáspory, в 2021 г. превысил \$1,15 млрд, причем до 37% этих средств аккумулируются в районах, где преобладают казарейцы и узбеки. В некоторых регионах (Дайкунди, Бамиан) доходы от внешней трудовой миграции составляют до 60% семейного бюджета, что формирует новую зависимость экономики от миграционных потоков и стимулирует формирование этнических «экономик diáspory» [25, с. 193].

Однако массовая миграция приводит и к «утечке мозгов» среди образованной молодежи: за 2017–2021 гг. Афганистан покинули более 38 тыс. квалифицированных специалистов из числа этнических меньшинств, что снижает потенциал модернизации и развития гражданского общества внутри страны.

Решение системного кризиса требует не только реформы законодательства и квотирования, но и внедрения программ экономического и образовательного выравнивания, поддержки малого бизнеса, прозрачности распределения ресурсов, обеспечения равного доступа к инфраструктуре, медиа и культурным институтам. Крайне важен механизм независимого мониторинга и общественного участия в управлении, а также создание инклюзивных национальных платформ для диалога и согласования интересов.

В долгосрочной перспективе только комплексная, системная и инклюзивная этнополитика, сочетающая правовые, экономические, образовательные и культурные стратегии, способна преодолеть накопившиеся противоречия, обеспечить справедливое управление и заложить основы устойчивого развития Афганистана как государства для всех его граждан, независимо от этнической принадлежности.

Библиографический список / References

1. Ахрамович Р.Т. Проблемы афганской государственности и этнополитика в послевоенный период // Вестник МГУ. Серия 13: Востоковедение. 2021. № 2. С. 58–69. [Akhramovich R.T. Problems of Afghan statehood and ethnopolitics in the post-war period. *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*. 2021. No. 2. Pp. 58–69. (In Rus.)]
2. Грешнов А.Б. Афганский перевод: очерки и репортажи (сегодня и вчера). М., 2021. [Greshnov A.B. Afganskiy perevod: ocherki i reportazhi (segodnya i vchera)]

- i vchera) [Afghan translation: Essays and reports (today and yesterday)]. Moscow, 2021. (In Rus.)]
3. Кашкарёв О.Р. Торгово-экономическое сотрудничество Афганистана, России и стран Центральной Азии после прихода к власти «Талибана» // Постсоветские исследования. 2023. № 2. С. 115–128. [Kashkaryov O.R. Trade and economic cooperation of Afghanistan, Russia and Central Asian countries after the Taliban came to power. *Post-Soviet Studies*. 2023. No. 2. Pp. 115–128. (In Rus.)]
  4. Князев А.А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. 2023. № 3 (6). С. 266–280. [Knyazev A.A. Uzbekistan's Afghan policy: A comparative context. *Post-Soviet Studies*. 2023. No. 3 (6). Pp. 266–280. (In Rus.)]
  5. Князев А.А. Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2021. № 4. С. 456–469. [Knyazev A.A. Afghan events of spring-summer 2021 and the renewal of regional security. *Post-Soviet Studies*. 2021. No. 4. Pp. 456–469. (In Rus.)]
  6. Князев А.А. К истории афганского движения «Талибан» (середина – вторая половина 1990-х гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2021. Т. 21. № 4. С. 13–21. [Knyazev A.A. On the history of the Afghan Taliban movement (mid–late 1990s). *South Ural State University Bulletin. Social Sciences and Humanities Series*. 2021. Vol. 21. No. 4. Pp. 13–21. (In Rus.)]
  7. Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлеченность стран-соседей // Постсоветские исследования. 2023. № 4 (6). С. 426–436. [Knyazev A.A., Gulam N.Ya. The Ethnopolitical situation in Afghanistan: External influence and involvement of neighboring states. *Post-Soviet Studies*. 2023. No. 4 (6). Pp. 426–436. (In Rus.)]
  8. Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков. М., 2020. [Konarovskiy M.A. Afganistan na rubezhe vekov [Afghanistan at the turn of the century]. Moscow, 2020.]
  9. Конаровский М.А. Долговременная неопределенность и перспективы эскалации кризиса в Афганистане // Центр ситуационного анализа. Серия: Аналитика. 2023. № 2. С. 21–34. [Konarovskiy M.A. Long-term uncertainty and prospects for crisis escalation in Afghanistan]. *Center for Situational Analysis. Analytics Series*. 2023. No. 2. Pp. 21–34. (In Rus.)]
  10. Конаровский М.А. Дорога в семь тысяч дней. Очерки истории и культуры Афганистана. 2-е изд. М., 2025. [Konarovskiy M.A. Doroga v sem tysyach dney. Ocherki istorii i kultury Afganistana [The road to seven thousand days: Essays on the history and culture of Afghanistan]. 2nd ed. Moscow, 2025.]
  11. Конаровский М.А. Некоторые исторические основы внутреннего противостояния в Афганистане и перспективы его урегулирования // Восток. 2020. № 2. С. 113–128. [Konarovskiy M.A. Some historical foundations of internal confrontation in Afghanistan and prospects for its settlement. *Oriental Studies*. 2020. No. 2. Pp. 113–128. (In Rus.)]
  12. Конаровский М.А., Нессар О. Талибский Афганистан: что дальше? // Международная жизнь. 2022. № 1. С. 91–103. [Konarovskiy M.A., Nessar O. Taliban Afghanistan: What's next? *International Affairs*. 2022. No. 1. Pp. 91–103. (In Rus.)]

13. Конфликт в Афганистане: история, современность и перспективы урегулирования // Русская политология. 2021. № 3 (20). С. 5–63. [The Afghan conflict: History, modernity and prospects for settlement. *Russian Political Science*. 2021. No. 3 (20). Pp. 5–63. (In Rus.)]
14. Кузнецов В.В. Афганистан: проблемы этнополитического развития // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 55–65. [Kuznetsov V.V. Afghanistan: Problems of ethnopolitical development. *Asia and Africa Today*. 2023. No. 8. Pp. 55–65. (In Rus.)]
15. Назаров Р.Р. Конфликт в Афганистане с позиций этнополитики: исторические предпосылки и современное состояние проблемы // Русская политология. 2021. № 20. С. 77–91. [Nazarov R.R. The Afghan conflict from the perspective of ethnopolitics: Historical background and current state of the problem. *Russian Political Science*. 2021. No. 20. Pp. 77–91. (In Rus.)]
16. Степанов А.С., Ченцов А.С. Особенности взаимодействия этнико-религиозных групп в Центральной Азии (в т.ч. с Афганистаном) // Этнополитолог. 2021. № 1 (70). С. 19–32. [Stepanov A.S., Chentsov A.S. Features of interaction between ethno-religious groups in Central Asia (including Afghanistan). *Ethnopolitolog*. 2021. No. 1 (70). Pp. 19–32. (In Rus.)]
17. Тишков В.А. Этническая политика как фактор национальной нестабильности (сравнительный анализ с Афганистаном) // Форумы по этнополитике. М., 2022. С. 27–38. [Tishkov V.A. Ethnic policy as a factor of national instability (comparative analysis with Afghanistan). *Forumy po etnopolitike*. Moscow, 2022. Pp. 27–38. (In Rus.)]
18. Тишков В.А., Яшлавский А.Э., Эмануилов Р.Я. Теории и практики радикализма и экстремизма: этнополитический аспект Афганистана. М., 2023. [Tishkov V.A., Yashlavskiy A.E., Emanuilov R.Ya. Teorii i praktiki radikalizma i ekstremizma: etnopoliticheskiy aspekt Afganistana [Theories and practices of radicalism and extremism: The ethnopolitical aspect of Afghanistan]. Moscow, 2023.]
19. Хафизова Г.Р. Этнополитика и миграционные потоки в Афганистане: последствия кризиса 2021 г. // Азия и Африка сегодня. 2022. № 1. С. 52–66. [Khafizova G.R. Ethnopolitics and migration flows in Afghanistan: Consequences of the 2021 crisis. *Asia and Africa Today*. 2022. No. 1. Pp. 52–66. (In Rus.)]
20. Яценко Т.Н. Проблемы межэтнического взаимодействия в современной Афганской Республике // Вестник МГУ. Серия 13: Востоковедение. 2024. № 2. С. 74–88. [Yatsenko T.N. Problems of interethnic interaction in the modern Afghan Republic. *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*. 2024. No. 2. Pp. 74–88. (In Rus.)]
21. Barfield T. Afghanistan: A cultural and political history. Princeton, 2010.
22. Johnson T.H. Taliban narratives. The use and power of stories in the Afghanistan. Oxford University Press, 2018.
23. Rubin B.R. Afghanistan from the Cold War through the War on Terror. Oxford University Press, 2013.
24. Rubin B.R. The fragmentation of Afghanistan: State formation and collapse in the international system. Yale University Press, 2002.
25. Dorronsoro G. Revolution unending: Afghanistan 1979 to the Present. Columbia University Press, 2021.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025, принята к публикации 14.11.2025
The article was received on 10.10.2025, accepted for publication 14.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Ибрахими Мохаммад Исхак Ибрахимович – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; преподаватель кафедры истории факультета социальных наук, Государственный университет провинции Бамиан, Исламский Эмирят Афганистан

Mohammad Ishaq I. Ibrahimi – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History of Asian and African Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; lecturer at the Department of History of the Faculty of Social Sciences, Bamiyan State University, Islamic Emirate of Afghanistan

E-mail: m.ishaqibrahimi13@gmail.com